

A photograph of a road winding through sand dunes. The road is dark with white dashed lines, and the sand dunes are light brown and undulating. The road curves through the dunes, creating a sense of depth and movement.

АРСЕН ЗИЯД

**ИСТОРИЯ
МОЕГО
УБИЙСТВА**

книга-антидепрессант

Арсен Зияд

**История моего убийства.
Книга-антидепрессант**

«Издательские решения»

Зияд А.

История моего убийства. Книга-антидепрессант / А. Зияд —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932229-6

Эта книга необычна. В ней нет ничего такого, что может отвлечь вас от просмотра фильма, который вы представите во время чтения. Я за полную свободу в том, какими вы увидите внешность, характер, иные особенности главных и второстепенных героев. Например, пророка Сивиуса, придумавшего новую секту, или миллионера, который периодически переодевается в нищего, напивается в барах и тоскует о первой любви. Свободный полет вашей фантазии для лучшего просмотра! А я лишь чуть-чуть направлю... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-932229-6

© Зияд А.

© Издательские решения

История моего убийства Книга-антидепрессант

Арсен Зияд

Фотограф Irenaeus (Иринея) Herok (Герок)

© Арсен Зияд, 2019

© Irenaeus (Иринея) Herok (Герок), фотографии, 2019

ISBN 978-5-4493-2229-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга необычна. В ней нет подробного описания героев, не описаны локации, не указано, в каком государстве или в какой стране происходят события. В книге нет ничего такого, что может отвлечь вас от мысленного просмотра данного фильма. Да-да, мои дорогие читатели, это не ошибка. Именно фильма, который вы представите в своем воображении во время прочтения книги. Я за полную свободу фантазии в том, какими вы увидите внешность, характер, иные особенности главных и второстепенных героев. Полная свобода в построении локаций, действий. Полная свобода вашей фантазии для лучшего просмотра! А я лишь чуть-чуть направлю! Итак, действие начинается, воображение вставило пленку! Мотор!

Приятного просмотра видеочтива!

18+

P.S. Все персонажи вымышленные, любое совпадение – случайность, уважаю чувства верующих, негативно отношусь к алкоголю и наркотическим средствам.

* * *

Вы знаете, как много, оказывается, есть мест на голове, к которым можно удобно приставить дуло пистолета и застрелиться? Не утруждайтесь, я только что сосчитал их для вас. Итак, впадина под подбородком, рот, виски с обеих сторон, глазницы (их, кстати, тоже две), нос, лоб. Получается восемь мест по снижающейся степени удобства. Выберу наиболее удобное – рот. И это уже не мои проблемы, кому потом придется отмывать мозги от кафельной плитки на стене. Я подготовился к уходу основательно: снял штаны и уселся верхом на унитаз. Я где-то слышал, что первое, что делает новоиспеченный жмурик – это опустошает содержимое кишечника и мочевого пузыря. Наверное, надо было бы еще и скотчем пару раз обмотаться вокруг смывного бачка, чтобы мое тело не упало после выстрела. Хотя наплевать. Ну что, пора прощаться с тобой, Мир. Вот и настал мой черед тебя покинуть. Я вставил дуло пистолета в рот, закрыл глаза и начал медленно давить на курок. «Ну все, прощай, Мося», – прошептал я сам себе, как вдруг где-то неподалеку раздался взрыв, отчего я дернулся, одновременно нажав на курок. Раздался выстрел. Пуля вылетела из дула, пролетела над головой в стену, от стены отскочила в потолок, а от потолка вниз, пробив унитаз, на котором я сидел. Он рассыпался подо мной, из-за чего я упал на пол и порезал ягодицу об осколки.

Сегодня точно не мой день! Даже убиться по-человечески не могу!

Зато, похоже, у Элвина получилось. Получилось громко и, наверное, безболезненно. Газ, закрытое помещение, искра и громкий такой ты-ы-дыщ на полдома. Все, что нажил, забрал с собой. У него получилось, у меня – нет. Хотя договаривались сделать все одновременно. Надо было послушать его и сделать это у него дома. Но, видимо, так распорядилась судьба.

С Элвином мы познакомились в больнице в тот злосчастный день, когда врач озвучил мой диагноз. Слова его прозвучали как приговор. Я сидел и слушал. Врач говорил, вернее, шевелил губами, а я мысленно вопрошал: «За что?»

– Осталось максимум пять месяцев, – сказал он в заключение.

Элвину отмерили семь.

Так не хочется умирать, когда тебе всего тридцать.

Мы сбежали из палаты, пошли в бар и напились. На второй день снова засели в баре и опять напились. Так прошла неделя, и это был запой. Позже Элвин предложил покончить с собой. Нам двоим...

– Зачем ждать, когда болезнь сожрет нас? – говорил он. – Зачем сдаваться и остаток дней проживать в ожидании момента, когда все закончится, когда, корчась от боли, ты забудешь про время, про близких и будешь умолять только о смерти. И эта тварь оставит только мозг, чтобы ты прочувствовал ее до самого конца. У нас есть шанс остаться победителями, опередить ее и убить себя самим.

Как он эпично произнес:

– Мы должны взять свою жизнь в свои руки!

Я поддержал его. Мы договорились сделать это в один день и в одно и то же время. Он-то ушел, громким хлопком попрощавшись с этим миром. Черт, а у меня – мимо! Он сейчас сидит где-то там, может быть, наверху, и ждет меня. А не дождавшись, скажет: «Обманщик!» Как же я не люблю подводить людей!

Ну не получилось сегодня – получится завтра!

* * *

– Ты неправильно делаешь. Зачем самоубийством, брат? Это грех! И позор для всей семьи. Подумай, что о нас скажут соседи и жители нашего района? Что они будут обсуждать, когда я открою свой магазин? «Вы разве до сих пор покупаете у Мойши? А вы знаете, что его родственник покончил жизнь самоубийством? Лучше покупать у Якова: у него родственники умерли естественной смертью!» Ну и зачем тогда открывать магазин? Тебе лучше не убивать себя собственноручно. Пусть за тебя это сделает кто-нибудь другой. И если все получится, если найдешь кого-то для выполнения сего действия, то тебя будут считать невинно убиенным, а это плюс похороны с должными почестями, вечная память, сочувствие семье и процветание магазина.

– Да?

– Да-а! Я очень переживаю за тебя, брат... А эта болезнь и правда такая серьезная?

Знакомьтесь: мой двоюродный брат Мойша.

– Врач сказал, что все очень серьезно. Летальный исход 100%. Главный признак, что скоро конец— это апатия, ломота в мышцах, и частичная амнезия. Тьфу-тьфу-тьфу, у меня пока не началось.

– О как!

– Помоги мне. Подскажи, кого я могу попросить? Где мне найти того, кто согласится убить меня? У меня уже была одна неудачная попытка уйти самостоятельно, и это не к чему хорошему не привело. Только лишний стресс. Поэтому я прошу тебя помочь мне. И, кстати, ты где пропадал? Не дозвониться – телефон выключен, дверь никто не открывает. Колись, где был?

– А, не заморачивайся по этому поводу. Работал. Позже расскажу. А по поводу твоего предложения надо подумать. Раз других вариантов не видишь, то по-родственному постараюсь помочь. Хмм, – Мойша достал из холодильника коробку яиц и, встав возле плиты, задумался.

– О! Сделай мне тоже яичницу, – попросил я его.

– Извини, брат, но осталось только два яйца. А сколько ты готов заплатить? – разбивая скорлупу и выливая содержимое на сковороду, спросил Мойша.

– Достаточно. После того, как выполнит работу, исполнитель получит свои деньги. Я позже объясню, где и как он сможет их получить. Ну что, знаешь кого-нибудь подходящего?

– Да, возможно, у меня есть один вариант. Надо позвонить и узнать. У тебя с собой есть какая-нибудь наличность?

– Совсем немного, а зачем?

– Вдруг аванс попросит... Тут дело такое, неординарное. А что я ему предложу?

Мойша выключил конфорку.

– Долларов сто пятьдесят есть, – полез я за кошельком.

– Давай все. Я схожу, позвоню.

– Деньги-то тебе сейчас зачем? Позвони, договорись, а там, если все срастется, аванс дадим! – возмутился я.

– Ну что ты, как маленький, не хочешь – не давай, – Мойша убрал сковороду с плиты и вышел в другую комнату. Через минуту вернулся. – Не берет трубку! – нервно сказал он и, включив конфорку, снова поставил сковороду на огонь.

Мы сидели молча, Мойша посолил яичницу и добавил немного специй.

– Слушай, Мося! Раз уж не получилось до него дозвониться, может, это... займешь мне баксов сто? И, кстати, тебе на яичницу майонеза капнуть?

* * *

Миша и Гильза – два недокриминальных элемента, которые промышляли мелким воровством, торговлей китайским оружием, иногда продажей наркотических средств мелкими партиями, что является неотъемлемым элементом в коллекции профессий мелких гангстеров. Вот к ним я и направился. Они были младше нас. Обоим по двадцать пять. Они учились в нашей школе, и кто же тогда знал, какие отморозки вырастут из этих двух прилежных учеников! А ведь они подавали надежды. Гильза переехал из России, когда был еще ребенком. Кажется, жил с бабушкой. Уже позже я слышал про них и про то, какие дикие вещи они творили. Никто не знал, почему Гильзу зовут Гильзой. Кто-то утверждал, что его зовут Рудольф, кто-то называл Сеней, но никто не осмеливался спрашивать об этом у него самого. Да он бы и не ответил. Даже собственная бабушка называла его Гильзой. Он был молчалив, огромен и страшен.

Мойша – молодец, знает, куда меня направить. Он так и сказал:

– Упор в «наезде» делай на Гильзу! Парень нервный, лютый. Либо зарежет, либо застрелит!

Как-то ходил про них слух, что они, одного должника вывезли куда-то за город, привязали к забору, нарисовали краской круги вокруг бедолаги и потом играли в дартс, но вместо дротиков использовали ножи и топор. Были и другие слухи. Но что нам слухи! Приду и узнаю!

Мы дунули на дорожку какой-то новой синтетической дряни, попрощались, и я пошел.

Дурь взбодрила. Сейчас пойду и нагло, уверенно, докопаюсь до этих двух щеглов. Ууух, как же меня прет, как прет! Зачетная дурь! Миша и Гильза, я иду! Пройти два квартала, повернуть налево, пройти еще чуть-чуть, подойти к ним и сказать: «Привет, мазафакеры!». Я уже вижу, как они достанут стволы, ножи, кастеты. Птыщь, птыщь, птыщь, и все. Я медленно взлетаю к небесам. Ууух, как прет! Так, здесь налево. Собраться, Мося! Собраться! Я выпрямляюсь, моя походка излучает уверенность, шаг левой, шаг правой. Прямо на них, без улыбки, сама серьезность!

Вот такая она, эта жизнь! Кажется, что только вчера ты был, возможно, счастлив, строил планы, прорисовывал мысленно свое будущее, постепенно приближался к заветной мечте, поочередно достигая намеченных целей. А сегодня тебе выносят приговор. И все рушится! Будто только что ты стоял на границе огромного города твоей жизни, где из всех однотипных зданий тебе нравилось лишь одно – красивый высотный дом, который олицетворял собой твою главную мечту. Но он далеко. А которые перед ним – сотни зданий поменьше – это цели. И чтобы добраться до того, понравившегося здания, тебе необходимо пройти их все! Пройди

все цели и дойди до мечты! И ты идешь. Но вдруг тебе сообщили, что все, времени нет, что тебе осталось чуть-чуть. И, понимая это, ты ускоряешься. Ты бежишь, чтобы успеть, но перед тобой все начинает рушиться! Все, что перед тобой, рассыпается и превращается в пыль. Все! Ты бежишь, оббегая падающие обломки рухнувших зданий, уворачиваясь от осколков стекол, к самому красивому зданию, совершеннее которых не видывал свет. К зданию, что являлось твоей мечтой. Но с каждым шагом, с каждым содроганием земли ты видишь на нем все новые и новые проступающие трещины. Они, как вены, окутали здание и становятся все шире и выше. И когда тебе осталось совсем чуть-чуть, оно становится невыносимо уродливым, а потом не выдерживает и рушится. Прямо перед тобой. И когда клубы пыли осядут, ты увидишь перед собой пустыню. Не будет даже обломков рухнувшей мечты, лишь песок до самого горизонта. Обернувшись назад, обнаружишь представший пред тобой полуразрушенный город. Это пройденные цели! Они превратились в руины. Это пройденная жизнь! Сука и где это я вообще!?

Я очнулся в каких-то кустах у дороги. Лежал на траве, раскинув руки, спрятавшись от палящего солнца под тенью этих самых кустов. «Так больше загоняться нельзя!» – сказал я сам себе и стал приподниматься.

– Ну Мойша! И где он это берет?

Миша и Гильза сидели в черной тонированной машине в тени одного из потрепанных домов. Гангстеры нового поколения! Широкие джинсы, большие футболки, цепи на шеях и оружий из колонок гангста-рэп. Белые нигга, как бы парадоксально это ни звучало! Окна передних дверей автомобиля были опущены. Я собрался и подошел. «Главное – сделать все грамотно», – эхом отражались в голове слова Мойши.

– Че сидите? – с ходу спросил я.

– Чего? – недоуменно спросил Миша.

– Че сидите? Жопы греете?

– Че?!

– Вы два мудака! – и, показав пальцем на Гильзу, добавил: – А ты вообще козлина!

– Тебе че надо, придурок, внятно говори!

В действительности, одним из побочных действий наркотического вещества, которым угостил Мосю Мойша, было расслабление лицевых мышц и языка. Поэтому диалог выглядел следующим образом:

– Шабархарна!

– Че? – недоуменно спросил Миша.

– Шабарыыы! Шуэээаффф! – начал я атаку.

– Че?!

– Шамахафааа, – и, показав пальцем на Гильзу, добавил: – Шлааааа!

– Тебе че надо, придурок, внятно говори!

Но больше я ничего не смог сказать. Мышцы лица расслабились до такой степени, что даже губы я не смог сжать. Поэтому стоял молча, с торчащим языком из раскрытого рта, откуда бурным потоком вытекала тягучая слюна.

Миша завел машину, наполнив улицу громким рокотом мощного мотора. Резким движением машина рванула с места и в мгновение ока скрылась из виду. Они уехали, оставив меня, провожающего их взглядом, в клубах густого серого дыма. Проехав немного, они остановились. Я решил снова подойти к ним, но «чертовы» ноги не слушались, вернее левая нога. Она жила своей жизнью, и вела себя как хотела. Типичная сука! Она полностью отказалась от совместного взаимодействия с мозгом. Вдруг, с боку, до меня донесся детский смех. Повернув голову, я увидел мелкого мальчугана, который шел параллельно, и снимал меня на телефон. При этом он постоянно выкрикивал «зомби в городе!» и истошно ржал.

– Не до тебя мне, салага! – крикнул я ему, но он все равно продолжал снимать.

Я почти дошел до них. Осталось буквально шагов пять, совсем не много, но машина завелась, послышался смех, смешавшийся со смехом снимающего пацана, и так же с пробуксовкой, сорвалась с места и умчалась в даль. Проводив их взглядом и отхаркнув пыль, я повернулся к тому пацану с телефоном. Но он уже был не один. Снимающих меня на телефон было пятеро. Мне это не понравилось и я решил разогнать всю эту банду мелких папарацци.

– А ща кого-то я! – обозначив голосом свои намерения, я пошел на них.

* * *

– Привет звезда, ты живой! Я так рад тебя видеть, – даже не обняв, выпалил Мойша после того, как я вошел.

Мы не виделись пару дней. Я отлеживался дома с мигренью. Вдруг, ни с того ни с сего, заболела голова и продолжала трещать два дня. Интересно, от чего? Ах, да, я же болен! Да еще смертельно!

– Слушай, Мойша, ничего не получилось.

– Да-а-а, – протяжно выдохнул он, – это печально, брат. Черт, я думал, ты все, скопытился, черт, извини, отъехал! Да-а-а, – опять протяжно выдохнул Мойша, – неудобно-то как получилось...

– Что неудобно?

– Да так... Конечно, пустяки, но, с другой стороны, это была часть денег на открытие магазина.

– Что случилось-то?

– Ты должен мне пятьсот баксов! Фух, как тяжело было это сказать! Понимаешь, я думал, у тебя все получилось. Ты умер. Позвал Йосю, Бибарса, Аарона, еще пару человек, которых ты не знаешь, но они тебя знали, тьфу, знают. Мы пошли в бар и устроили поминки. А так как ты мой родственник, счет пришлось оплачивать мне.

– И прям помянули на пятьсот?

– Да! Если надо, есть чек. Могу позвонить ребятам, они подтвердят.

– Хорошо! Верю, верю.

Я достал кошелек. Вы когда-нибудь видели глаза человека в предвкушении получения денег? Я увидел. Глаза Мойши горели каким-то неведомым мне светом, а их блеск мог ослепить любого, невольно взглянувшего в эти глаза. Я раскрыл кошелек, Мойша подошел ближе. Я вставил палец в прорезь кошелька, Мойша сглотнул слюну. Я вытащил пальцы, сложил кисть в кулак, и подняв средний палец, показал ему, Мойша замер.

– Извини, Мойша, но у меня нет таких денег. Ты получишь их только после того, как найдешь добровольца, который грохнет меня.. Ты думал, я не понял, что ты сейчас стоишь и в наглуую мне врешь про поминки? По пути к тебе я встретился с Йосей, он передал привет и сказал, что не видел тебя пару месяцев.

– Точно! Йоси-то с нами не было! – хотел было оправдаться Мойша, но я жестко пресек эту попытку.

– Хорош уже, а! – сказал я.

– Ладно, ладно, хам! – якобы обидевшись, произнес Мойша. – Ну хорошо, допустим, я найду тебе добровольца, грохнет он тебя. И как я получу бабосы, а? Как?

– Я оставил определенную сумму тете Саре. И попросил ее передать тебе их, только через две недели. Да, и, зная тебя, я также попросил ее ни при каких условиях не отдавать тебе деньги раньше этого срока.

– Тетя Сара, значит... Хорошо, договорились. Я найду тебе кого-нибудь. Кстати, как она?

– Она угостила меня чаем и своими фирменными пирожками. Помнишь, как Алонсо таскал их втихаря для нас? Заходил в его комнату. Там все так же, как раньше. Тетя Сара хранит его вещи, и денди тоже там стоит, только чуть покрылась пылью.

– Денди? – с грустью в голосе спросил Мойша.

– Да, – ответил я ему, на что он ухмыльнулся и опустил глаза.

* * *

Мойша предложил курнуть. Мы поднялись на второй этаж, вышли на балкон и уселись на соломенные кресла. Квартирка Мойши находилась в доме, который стоит на возвышенности, поэтому сейчас перед нами открылся вид на весь город. Мойша взорвал, глубоко затаился и передал косяк мне. Я сделал то же самое. Сверху был сооружен самодельный навес, который спрятал нас от безумно палящего солнца. Я сделал вторую затяжку, хотя после первой я уже почувствовал наплыв. Меня медленно расслабляло. Мойшу тоже. Во рту пересохло. Я откинулся на спинку кресла, которое будто обняло меня. Весь город – как на ладони. Вон там виднеется мой дом, а немного поодаль – другой дом, рядом с которым мы, будучи детьми, своровали велосипед. А вон тот, с синей крышей, – дом моего друга, Алонсо, у которого мы зависали в детстве вечерами, часами играя в гребанного «Марио» на приставке. Алонсо разбил на мотоцикле. И, наверное, там, наверху, он ждет меня с такой же «Dandy» и двумя потрепанными джойстиком, чтобы продолжить играть в «Контру» или «Марио». Скоро увидимся, друг! Нажми на паузу.

А вон старый сквер, где я поцеловал, а потом трахнул рыжеволосую Мару. И старый кинотеатр, возле которого я познакомился с ней.

– Мойша! А почему звезда?! -спросил я.

– А,а,а. Да. Ты же у нас, теперь, звезда Ютьюба! Ха.

– В смысле?

Мойша достал телефон, пальцами потыкал по экрану и передал телефон мне. Пошла реклама какого-то приложения, и только потом видео, на котором был я, смех того мальчугана и закадровое «зомби в городе». Не понял. Я включил видео заново. Теперь до меня стало доходить, что там происходит. Видео началось с эпической заставки «Зомби в городе», затем я увидел себя, почему-то с вытянутой рукой и волочившим за собой левую ногу. Руку не помню, а ногу я тогда запомнил! Потом я поворачиваю голову и смотрю в камеру, идёт увеличение моего лица, где миру явилась кривая рожа с отвисшим ртом и стекающими по подбородку слюнями. Потом я, что-то кричу нечленораздельное, похожее на «хыыыааааа чааааа!!!» Опять поворачиваю голову прямо, спотыкаясь, из за чего меня чуть накренило вперед и я ускорился. Из-за ускорения я начал прыгать на одной ноге, левая все так же висела и волочилась по земле. Для удержания тела, одновременно с прыжками я дергал плечами и всю эту картину, дополняла вытянутая рука! Вот тут я точно был похож на зомбаря, и пацану даже не стоило за кадром озвучивать эту сцену, словами «зомби в городе», достаточно было его смеха. Затем за кадром послышался рев двигателя машины, свист трущейся резины об асфальт, показалось облако пыли накрывшее меня. Я остановился, медленно повернулся в сторону снимающего, опять моя рожа крупным планом, из за пыли мои стекающие слюни стали бурыми и похожими на засохшую кровь. Я пошел на снимающего, крича что-то похожее на «дыыыаааааааа» и все. Видео закончилось. Мойша истошно смеялся.

– Дэ-э-э, стыдоба! -выдавил я после увиденного. Мне стало стыдно.

– Там ещё есть, с наложенной музыкой, -отсмеявшись, с какой-то издёвкой в голосе, сказал Мойша, но я послал его и попросил заблокировать видео. Мойша взял телефон, опять поводит пальцами по экрану и убрал телефон в карман. Мы замолчали.

– Ты мне брат? – как мне показалось, усомнившись в нашем родстве, после недолгой паузы, спросил меня Мойша.

– Да, Мойша. А к чему вопрос?

– На кой ты оставил деньги тете Саре? Ну ладно мне, а тем, кого я найду? Как с ними рассчитаться?

– Не беспокойся, Мойша, я оставлю им координаты места, где они получают свои бабки!

– Стратег, черт побери!

– Мойша, меня всегда интересовало, почему ты такой жлоб! Даже когда твой брат смертельно болен, ты все о деньгах да о деньгах.

– Ты, – вколачивая второй косяк, произнес Мойша, – ты умрешь, а я-то здесь останусь. А здесь нужны деньги.

Мойша прикурил.

– На этом свете ты никому не нужен, если нет денег.

И он передал косяк мне.

– Деньги, деньги! Все! Все о них только и думают. И те, у кого они есть, наверное, делают одно и то же: берут пачку денег в ладонь, сверху прикладывают другую и начинают разбрасывать в стороны эти чертовы бумажки. Как в старых клипах осыпают полуголых девиц «риал-ричи-гангста-ниггаз». Или в новых, – сказал я, демонстрируя, как распыляю с ладони невидимые деньги.

– Деньги – сила, – поучительно сказал Мойша и, сняв тапки, закинул ноги на перила.

– Я вот все думаю: ну... сколько мне уже осталось?..

– Э-э, Мося, ты че завис?

– Нормально все, – я почувствовал, как мои глаза увлажнились и по щеке скатилась слеза.

Мне стало жаль себя, было чудовищно обидно от того, как жизнь несправедлива ко мне. И стало наконец-то все понятно и страшно от осознания того, что скоро наступит конец. Я прочувствовал всю тщетность порывов и страстей, когда-то одолевавших меня. Вот я был – и вот меня не стало. Почему-то я представил, как должен быть одет на собственных похоронах. И все эти мысли толкали меня в безысходность и грусть. Вот сейчас я есть, а после меня – ничего. Я плакал в голос.

– Моя жизнь, как плюшка гашиша! – хлюпая носом, сказал я.

– Че?

– Сначала я единое целое, потом, нагревая, меня отрывают, мнут, плющат, вдавливают, подготавливают. И вот, когда я готов, когда настало мое время свершить что-то грандиозное, жизнь ставит меня на уголек сигареты и я медленно тлею! Но отличие моей жизни от плюхи в том, что плюха оставит после себя сладкий дым, хоть и ненадолго, а я – ничего! Кроме вкладов своего дерьма в городскую канализацию, – договорив, я снова почувствовал, как по щеке скатилась слеза.

– Хм... Вклад дерьма в канализацию? Дерьмовые вклады... – задумчиво повторил Мойша. – Зря ты говоришь, что не оставишь после себя ничего. Помнишь того араба у которого мы постоянно покупали черешню? Так вот, купив у него черешню, мы шли по нашим улочкам, съедая мякоть, вставляли косточку между пальцами и «стреляли». Помнишь? Именно ты тогда выстрелил, попал в глаз проезжающему водителю мопеда, отчего он не справился с управлением и врезался в лоток того араба с черешней. Черешня упала на землю, покати-лась по склону, перелетела через дорогу, не вся, а какая-то малая часть, докатилась до поля, упала в ямку и позже проросла. Да. Seriously! Сейчас на этом поле выросло несколько кустов черешни. И это твой вклад, братишка, это благодаря тебе! Ты дал жизнь этим росткам! Ты отец этих деревьев! Ты черешни- батя!

– Ха-ха-ха! – рассмеялся я. – Де-ре-вце. Батя! Ну, хоть это радует, – я посмотрел на город и добавил:– А из него потом гроб сделают! – зачем-то ляпнул я, на что Мойша выдал, что я дебил, и добавил, чтобы с такими мыслями, я шел, отсюда, куда подальше. Мы засмеялись ещё громче.

– Я недавно видел Мару. Она шла со своим сыном. Он большой уже стал, на тебя в детстве похож. Ты бы зашел как-нибудь к ним на последок, а? Мось.

Я ни чего не ответил Мойше.

* * *

На следующее утро Мойша позвонил мне. Можно сказать, что сделал он это даже слишком рано, так как своим звонком разбудил меня. Мойша радостно прокричал в трубку телефона, что нашел нужного мне человека. Его звали Иван Иванов. Он был родом из России, эмигрировал лет десять тому назад из-за каких-то криминальных проблем на Родине. Мойша сообщил, что в России Иван был знатным бандитом, и прихлопнуть меня ему не составит никакого труда. Через пару часов я уже направлялся по указанному адресу: Эндовая стрит, 19.

Иван жил в самом криминогенном районе нашего города. Знаменитый на весь город «ЭндЛэнд». Поэтому добираться до него пришлось очень долго. Я никогда не был в этом районе, и если б не этот Иван, то, наверное, никогда бы и не появился здесь. И как можно тут жить?

Мой визит не остался незамеченным. Сразу почувствовал, что за мной наблюдают. Сначала нутром, а потом уже и ясно осознал, что из-за темных штор грязных окон этих полуразвалившихся барачков на меня кто-то внимательно смотрит с того самого момента, как только моя нога переступила черту, разделяющую мой привычный мир с этой помойкой. Особенностью «ЭндЛэнда» было то, что любой, скрывающийся или убегающий от полиции, забежав сюда, не будет пойман. Он просто растворится среди сотен узких проходов, среди сотен дверей, которые всегда наглухо закрыты, среди бесконечных нор, что, как вены, тянутся под землей по всему периметру района. Да и полицейские бывают здесь только тогда, когда происходит крупное преступление и его не успевают «замять» до появления в вечерних новостях. Странный «ЭндЛэнд»! Вот именно сейчас, пока я шел по этому району, мне вдруг захотелось жить! Вернее, мне не хотелось сдохнуть тут! Именно в этом районе! В любом другом районе – пожалуйста, но, сука, не в этой жопе!

Дом, адрес которого дал мне Мойша, был в самом конце. Одинокое стоящий в поле двухэтажный дом. И первое, что мне бросилось в глаза, – это ухоженный палисадник в центре двора. За палисадником явно кто-то ухаживал. Яркие цветы, нет сорняков и, что самое главное, – влажная земля, значит, их недавно поливали. Я зашел в подъезд. Второй этаж, квартира номер пять. Железная дверь. Я постучал. За дверью послышались шаги, какой-то шум, перед моим лицом открылось маленькое окошко, из которого на меня оценивающе смотрел... глаз.

– Ты кто такой? – спросил меня владелец глаза.

– Я к Ивану, от Мойши. Мося! – ответил я ему.

– Че?!

– Мося, брат Мойши, – пришлось повторить еще раз.

– Ща, жди! – окошко закрылось.

Через пару минут вновь послышались шаги, затем раздались щелчки замка, и дверь открылась. Я зашел в квартиру.

– Туда, Иван в комнате.

Открывший мне дверь человек был невысокого роста, худой. Сквозь серую кожу проступали рядами ребра и, казалось, было видно, как в межреберных промежутках пульсирует сердце. Из одежды на нем имелись только заляпанные спортивные штаны и белые носки.

Я прошел в комнату. В ней находилось трое крепких мускулистых мужчин, и все в почти одинаковых спортивных трико с тремя белыми полосками по бокам. На столике, стоящем перед ними, лежали беспорядочно разбросанные карты и фишки для игры в покер.

– Че надо? – спросил меня мужик, сидящий по центру.

– Ну, как бы это... Мойша сказал, что ты можешь убить меня!

Лица присутствующих выразили недоумение, они замерли. Иван сидел прямо, выпятив грудь и чуть приподняв голову, как будто только что намеревался встать со своего места да так и застыл с широко открытыми глазами.

– Че? – наконец-то переспросил он после небольшой паузы.

– Убить меня! Это ты, вы можешь? – чуть запутавшись в словах, пришлось повторить мне.

Опять пауза. Опять взгляд свысока.

– Ты кто такой?! – так же продолжая смотреть на меня и громко сопя носом, спросил Иван. Потом кинул взгляд на своих друзей, после – опять на меня. Остальные же вообще сидели без движения, они, не моргая, пялились на меня. Их глаза тоже были полны недоумения. И только у того, четвертого, который открыл мне дверь, один глаз был прищурен. Он-то и нарушил тишину фразой:

– Охренел, что ли?

Я сразу догадался, что вопрос, заданный им, был в мой адрес.

«Ну тупые!» – пронеслось у меня в голове.

– Мося меня зовут. Я серьезно болен, мне осталось жить максимум месяцев пять. Не хочу, чтоб болезнь победила. Намерен опередить ее. Самоубиться считаю неправильным делом. Не по-нашему это. Не по-божески.

Иван выдохнул.

– Вот. Пришлось обратиться к Мойше, чтобы он нашел того, кто может убить меня. Он посоветовал обратиться к тебе. И вот я здесь. Бояться нечего: я заплачу.

Они выслушали, но продолжали сидеть в тех же позах и с такими же лицами. Только у Ивана приподнялась одна бровь.

– Это! Это... – после небольшой паузы произнес Иван. – Сорок лет землю топчу, а в первый раз такое вижу, чтоб человек сам себя «заказать» обратился.

Я пробыл у них около тридцати минут. Объяснил и разложил все по полочкам. Мы наконец-то пришли к разговору об оплате услуги. Они просили пять тысяч баксов, я же предлагал только две. Мы спорили и спорили, они чуть было даже не подрались между собой, но договорились. В итоге за мое убийство, как бы банально ни звучала эта фраза, они получают от меня тысячу восемьсот пятьдесят долларов. Как так? Спасибо Мойше, научил кое-чему. Мы договорились встретиться вечером на окраине города. Мне оставалось прожить еще с десяток часов.

Перед тем, как навсегда уйти, мне почему-то захотелось прогуляться по своему району, надеюсь, желание умирать не отпадет, пока я выберусь из этой дыры.

– А эскимо есть?

– Да, вам сколько штук? Осталось только два.

– Одно. Спасибо.

Вот он, мой район! Район, где на каждый квадратный километр приходится девять торгашей, пять ростовщиков, столько же портных и сотня с лишним юристов. Раздолбаев было всего трое: я, Мойша и мой разбившийся на мотоцикле друг. В то время как другие наши сверстники покоряли азы различных школьных наук, мы оттачивали мастерство перепрыгивания первой пропасти в игре «Марио». Пока они «занимались сексом» с гипотенузами, синусами, с Менделеевым и его таблицей, мы выстраивали тактику отвешивания люлей главарю в игре «Чип и Дейл». Ровесники и ровесницы поступали в институты, заканчивали их и женились, либо выходили замуж. А мы искали новые диски на Sony PlayStation. Но все однокашники остались здесь, в этом же районе, в котором когда-то сами родились, и я уверен, что их дети ходят в ту же школу, которую окончили мы. Раздолбаев осталось двое. А завтра останется только один. Они и мы разные, но почему-то мы все здесь, в этом районе, и все у нас сложилось почти одинаково. Почему, имея возможность что-то поменять в своей жизни, люди продолжают топтаться у своей богом забытой околицы, и лишь немногие, вскинув руки к небесам с криком «ПОШЛЮ ВСЕ НА ...й!!!», срываются и пробуют себя в других городах и странах?

Я позвонил Мойше.

– Ну что? Договорился? – сразу же спросил он у меня.

– Да, договорились. Сегодня вечером. А ты Ивана откуда знаешь?

– Было дело. Должник один имелся. Пришлось к Ивану за помощью обратиться. Там, с ним, еще один есть. Как же его зовут? Карат или Фарат?..

– Айрат!

– Во! Точно! Айрат! Чтоб его! Он вообще отморозок. Бешенный, не остановишь! Ивану даже ничего делать не пришлось. Айрат с должником поговорил, и тот сразу бабосы отдал.

– И все?

– Ну, Айрат ему еще зачем-то ногу сломал напоследок. Я ж говорю: эти, из России, вообще на всю голову отморожены.

– Понятно. Надеюсь, мне ничего не сломают – сразу убьют. Безболезненно.

– Умеешь ты взбодриться, Мося. Пошли лучше пивка попьём.

Просто попить пивка не получилось. Я напился. Напился и Мойша. Я чувствовал себя трезвым, но люди, окружающие меня, видели совсем другую картину. Как говорят в народе, «он в говно!» Но я еще держался на ногах и даже пытался станцевать. Мойша же давно переключился в режим нервнопьяного героя и борца за справедливость. Окружающих от агрессии Мойши спасала его невозможность покинуть свое место из-за сильного опьянения и невнятности произношения слов своих претензий. Что кричал Мойша, кому это адресовалось, понимал только он сам. Оставалось около двух часов до встречи с Иваном, и я еще раз угостил посетителей. Конечно, не всех, а лишь пару человек. Позже меня, почему-то только меня, выгнали из заведения.

Эти ублюдки выгнали меня! Ну и черт с ними. У меня с собой есть две бутылки водки и бутылка пива. До смертоносной встречи остался час. Я поймал такси и поехал. Пришлось дать таксисту чуть больше денег, чем на самом деле стоит проезд. Не каждый согласится везти вас ночью на окраину города.

Я опоздал минут на десять. Но тех, кого ожидал увидеть, еще не было. Я присел на сваленное дерево, открыл пиво, хорошенько так отхлебнул и стал ждать. В глазах все кружилось, двоилось и четверилось. Я закрыл один глаз и попытался «сконцентрировать» зрение, сфокусировать картинку. Стал всматриваться вдаль, и в свете фар разворачивающейся машины увидел четыре силуэта, двигавшихся в мою сторону. Сконцентрировавшись еще сильнее и соединяя картинку воедино, я понял, чьи это силуэты. Иван шел посередине, похоже, все в том же спортивном трико. Наверное, оно у него любимое. По правую руку от Ивана шли еще двое. Вроде бы их звали Виктор и Володя. А слева, мельтеша короткими ногами, вразвалочку шел худющий Айрат. Не хватало только музыки из какого-нибудь старого боевика и замедления времени.

– Здравова! Ну че, готов? – наконец-то подойдя ко мне, сухо произнес Иван.

– Екаранный бабай! Тебе кто таких тумачков отвесил? А? – возмущенно спросил Айрат, увидев мой разбитый и распухший нос.

– Да-а, было дело, суки одни. Охранники в баре! Пидарасы! – теперь уже я возмущенно промычал.

– Хм, за что? – басом спросил Иван.

– Да кто его знает, за что! Сука, как шакалы, вдвоем меня пинать начали!

– Несправедливо! Нечестно! – опять пробасил Иван.

– О! Нарсякей! Водка, штоле?! – заметил бутылки Айрат и стал потирать руки.

– Мы че сюда пришли? Бухать или дела делать? – возмутился Иван. – Тебе, Айрат, вообще пить нельзя, понял?!

– Э-э-э, совсем же щущуть!

Я отключился. Вспышка. Очнулся. Мы идем, вернее, меня под руки ведут Володя и Виктор. Я бухой. Кое-как подняв свою качающуюся голову, я попытался осмотреться и понять, где мы. Но так как спирт преобладал в моей кровеносной системе, а у мозга сейчас была очередная незапланированная вечеринка, я опять отключился. Вспышка, очнулся. Учитывая прошлый

неудачный опыт с поднятием головы, я решил не поднимать ее сразу, а чуть поднабраться сил и уже потом действовать. Конечно же я вру, я «в хлам» и никак не могу контролировать своих действий. А моя голова – неуправляемая неваляшка, болтающаяся туда-сюда. Но все-таки я снова попытался посмотреть, где мы идем. И опять не удалось ничего увидеть. Неваляшка! Прямо, назад и опять вниз. Я отключился. Вспышка, очнулся. Третья попытка увенчалась успехом. Сконцентрировавшись, пройдя взглядом сквозь туман и зафиксировав раздвоение, мне удалось понять наше местоположение. Мы приближались к бару, из которого меня выгнали. Айрат шел впереди. В майке. Его качало. Он шел сгорбившись. Руки отведены в стороны, как будто невидимые мышцы, в народе названные «крыльями», напряглись и приготовились быть использованными. Это выглядело смешно, отчего я засмеялся и крикнул:

– Качо-о-ок. Хгыыа!

Но мое мычание никто не разобрал, поэтому над своей же шуткой я смеялся один.

Айрат первым побежал в сторону охранников бара. Криком: «Ну што сущцары!» – он сразу выдал свои намерения. Но я забыл предупредить ребят, что один из охранников является районным чемпионом по кикбоксингу. И, видимо, сегодня был самый неудачный день этого тощего Айрата, ведь судьба-злодейка вела его напрямик к этому чемпиону. Не ко второму охраннику. Нет, а именно к нему, к чемпиону. Лоу-кик в бедро и этой же ногой в голову. Двойной удар. Если бы Жан-Клод Ван Дамм увидел этот удар, то, мне кажется, он впал бы в депрессию, осознавая свою никчемность. А Айрат увидел и прочувствовал его. Сказанное им впоследствии в точности охарактеризовало силу удара: «Ссущ-щ- мммммкхх!» Он рухнул на землю и, распластавшись, замер. Володя и Виктор, сбросив меня на землю побежали на выручку. Пока они бежали, кикбоксер уже схлестнулся с Иваном. Школа кикбоксинга и бокса – кто кого? Мне не хватало в руках джойстика. «Двочка», и Иван – победитель. Подошли Володя и Виктор. Второй охранник успел забежать внутрь.

Попинав лежачего кикбоксера, Виктор с Володей подняли Айрата с земли и взяли его под руки. И только они собрались уходить, как двери бара резко распахнулись! На улицу выбежало человек десять крепких ребят во главе со скрывшимся ранее охранником. Среди выбежавших были Миша и Гильза. Они окружили Ивана и его товарищей. Все замерли на мгновение. Вдруг как-то стало тихо. Я сижу на земле, попеременно прикрывая глаза и периодически прищуриваясь, пытаюсь сконцентрировать зрение, смотрю на это все, а в голове пронзительно вспыхнуло: «МОРТАЛ КОМБАТ», и заиграла музыка из этого фильма.

Началось все неожиданно, с крика очнувшегося Айрата: «Ууаше чеее!!!» Девять человек накинулись на четверых, кроме Гильзы, он почему-то остался в стороне, схватился руками за голову, потоптавшись немного на месте и смотря на Ивана, он громко крикнул и побежал на него. Он и еще трое попытались атаковать Ивана, но великолепная, слаженно-отточенная работа рук боксера, отправила всех по очереди в нокаут. Володя и Виктор уложили еще четверых, Айрат же, получив мощный удар в челюсть, снова лежал на земле без сознания. Послышался вой сирен. Кто-то успел вызвать полицию. Всех задержали. Я остался сидеть на земле и наблюдать, как расплывчатые фигуры в темной форме ведут другие расплывчатые фигуры в полицейский микроавтобус. Увезли всех. А я остался один. Мне почему-то захотелось рассмеяться. Бухой невменяемый смех. И я смеялся. Но, сука, почему так тоскливо? Почему мне хочется найти машину времени и вернуться назад, туда, где я беззаботен? Туда, где одеяло было моим щитом, моим защитным домиком, спасающим меня от внешних угроз, особенно от чудовища под кроватью. Туда, где ты бежишь к маме, обнимаешь и, прижавшись, чувствуешь ее тепло. Туда, где все так знакомо.

Я лег на спину. Ночное небо с миллиардами звезд. Теперь слезы не скатывались по щекам, а, вытекая с уголков глаз, падали на землю. Звезды. Наверное, там есть такие же, как я. Они похожи на меня, как две капли воды, и их также зовут Мосями. У одного, наверное, есть семья, дети, работа и кредитные долги за все это «благополучие». У другого, в другой галак-

тике, – огромное богатство, заработанное нечестным путем. Он точно не высыпается, боясь, что за ним когда-нибудь придут. Третий – военный, и сейчас воюет где-нибудь на окраинах, исполняя свой долг за интересы того Моси, который богат. Их сотни – таких, как я, Мось. А где-то в это же самое время лежит на земле такой же, как и я, пьяный Мося, весь грязный, плачущий и глядящий в небо на звезды. Мы лежим и смотрим ввысь, не зная о существовании друг друга. Много галактик, много Мось!

* * *

«Смотрит в глаза, говорит о любви, а сама думает о члене Терри!...»

Дядя Хистор, пьяный мужик из бара

Пять лет тому назад:

– Посмотри на себя! Толстая мразь! И-и-иди ты-ы!

– Пошел ты сам! Мудак! Уэээээ! – стошнило ее.

Вот так я познакомился с Марой.

Что-то в ней было необычное. Что-то, что выделяет ее на фоне других девчонок. Я был совершенно нетрезв, и хотя понимал, что передо мной ни разу не красавица, она понравилась мне. Понравилась своей раскованностью и своей дерзостью. Покричав друг на друга и поблевав рядом, мы разошлись. Хоть я и был сильно пьян, но мне удалось у кого-то узнать номер ее телефона. Я позвонил Маре через несколько дней и, как робкий школьник, путая слова, запинаясь, все-таки смог пригласить ее на свидание. Мы встретились у старого кинотеатра. Для храбрости я, естественно, выпил, и теперь мне не было так страшно.

Она пришла. И первым делом, подойдя вплотную, легонько ударила меня в грудь и добавила:

– Ну что, стручок, одумался? Куда пойдём?

От такой неожиданности я растерялся и промямлил:

– Ну, может, тут есть бар неподалеку?

– Пошли, – легко согласилась Мара.

Мы шли и молчали. Без привычки иметь так много мыслей в секунду у меня заболела голова. Если честно, я хотел дать деру, и хрен с ним, что она подумает. Просто побежать прямо, свернуть за угол и ускориться. Но внутренний голос был против этого плана «Мося, тебе уже двадцать пять! Вон Тоби уже третьего ребенка заделал в этом возрасте, а ты все очкуешь, все бежишь! Соберись!»

И тут я неожиданно выдал:

– А ты прикольная!

– Ты что – все это время шел и оценивал, а?

– Нет, ну, как бы... – растерялся я. А сам подумал: «Еще есть шанс смыться!»

И мы оба снова замолчали.

Мы зашли в бар и сели за свободный столик. В баре было прохладно, немногочисленно и сильно накурено. Запах сигарет висел вперемишку с запахом поджаривающегося мяса. Бармен за стойкой явно скучал и медленно протирал винный бокал сухой тряпкой. И тут, пока мы знакомились с меню, Мара неожиданно произнесла:

– У тебя такие интересные истории! Ты, однозначно, интереснейший собеседник!

И мы весело рассмеялись на этот стеб.

Она была младше меня на три года.

Мы пили пиво, болтали; мой страх, похоже, убежал вместо меня, и мне стало комфортно с Марой. С каждым глотком я становился храбрее. С каждой новой порцией спиртного я шутил все изощреннее и остроумнее. Она смеялась – я жёг. Она льстила, интересуясь, почему я не выступаю в каком-нибудь комедийном шоу или не снимаюсь в кино, а я в ответ еще больше искрил юмором. Так и прошла наша первая встреча – со смехом и болтовней ни о чем. Вторая и третья встреча прошли в том же духе. Все чаще я стал задумываться: а о чем же мы станем

разговаривать, когда будем трезвыми? После четвертой встречи мы с Марой переспали. Возвращаясь с прогулки, зашли в сквер недалеко от ее дома. Глядели на луну, держались за руки, смеялись. Потом она вдруг повернула свое лицо ко мне. Мы встретились взглядом, как пишут в пошлых романтических историях. В глазах – огонь, безумие и страсть. И мы жадно поцеловались. Руки забегали по изгибам тел, и под покровом ночи мы занялись сексом прямо на скамейке.

Я и Мара стали встречаться. И это было хорошо. Она переехала ко мне. Началась рутинная совместная жизнь. И мне это, бляха-муха, нравилось! Да, у нас были скандалы. Да, мы ругались, но мирились и жили опять как ни в чем не бывало. Но, все же, с каждым днем мы менялись. Я стал замечать, что теперь наши разговоры – это короткие обрывки предложений, мы стали больше молчать, и вместо того, чтобы, как раньше, часами смотреть друг на друга, стали избегать возможности встретиться глазами. Скандалы и чувства, любовь и ненависть. Однажды, возвращаясь домой с работы, я увидел ее в баре с каким-то мужиком. Он обнимал ее, гладил по жопе, а она смеялась, обнимала его и целовала в губы. Я все это видел, но они не видели меня. Внутри все закипело. Не от того, что я все еще ее любил, не-ет. Было обидно и досадно от предательства. Что я вот-вот потеряю то, что принадлежит мне, ну и конечно от обиды, что тебя обманули. Я зашел в бар и направился к их столику. Они еще не замечали меня. Взял по пути на каком-то столике вилку, мне что-то прошипели вслед, но я не расслышал и продолжал двигаться туда, где сидели они. Мара подняла глаза и увидела меня. Видели бы вы только ее лицо! Она повернулась что-то сказать своему сегодняшнему визави, но я уже был рядом. Движение – и я воткнул вилку ему в руку. Она что-то громко кричала мне, а я разбил об его пьяную башку пивной бокал. Она орала, бухая, с размазанной помадой и взлохмаченными волосами, с непонятным светлым пятном на юбке, как будто ее только что отымили в сортире этого бара. Я собрал все слюни и, издав звук «хррррр», харкнул в ее лицо. Затем молча развернулся и направился к выходу. И стало как-то легко.

Придя домой, я собрал все ее вещи и выставил на улицу, возле помойных контейнеров. Собирая в ванной ее хлам, я наткнулся на использованный тест на беременность. Две полоски. Повертел его в руках и отправил в мусорное ведро. Все кончено! Надо звонить Мойше.

...«Любовь, чувства! А вот хрена лысого!..»

Дядя Хистор, пьяный мужик из бара

* * *

Этот отрывок особенный. Из прошлого.

Все звали его Дядя Хистор. Коренные посетители бара, где постоянно выпивал Дядя Хистор, сами не знали, как и когда он в первый раз пришел сюда. Где он живет, сколько ему лет, никто не знает. На вид ему – около шестидесяти. Каждый раз этот человек был облачен в одну и ту же одежду: старые, в каких-то маслянистых пятнах, джинсы, футболка с грязным воротником, поверх нее – поношенная рубашка с дырками на локтях и потертый длинный плащ. Но самое главное – при таком гардеробе он был аккуратно острижен, и от него не пахло, как от других посетителей со схожей наружностью. Мужчина приходил по пятницам и субботам, заказывал грамм триста русской водки, на закуску обычно брал хлеб, нарезанный кольцами репчатый лук в подсолнечном масле и стакан холодного сока. Он пил и говорил. Мог и угостить, но чаще угощали его, после того как у него заканчивалась водка. Дядя Хистор, а это был именно тот «пьяный мужик из бара», как из пулемета, метал афоризмами в разные стороны. Бар, как всегда, был полон людьми, и мест почти не было. Кто-то говорил, кто-то смеялся, а кто-то, не дождавшись вечера, уже успел напиться и мирно спал. В баре стоял гул, точно в пчелином улье с работягами пчелами, решившими отдохнуть. Дядя Хистор рассказывал очередную историю. Мы же сидели и слушали. Изредка приправляя свое повествование выражениями «да нее!», «как так-то!», вдруг Дядя Хистор замолчал и секунд через пять добавил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.